

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ | SOCIAL AND POLITICAL PSYCHOLOGY OF SECURITY

Научная статья | Original paper

Социально-психологические предикторы формирования склонности к экстремистским установкам у молодежи

М.Д. Полушина¹✉

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ m.bezmedvedya@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Личность экстремиста культурно-исторически определена, текущее наполнение понятий включает прежние, уже изменившиеся обстоятельства, отражение актуальной ситуации и проявления индивидуальных особенностей. Теоретической основой исследования послужила теория межинституциональной обусловленности индивидуальной экстремальной деятельности. **Цель:** провести мониторинг актуального социально-психологического состояния молодежи Северного Кавказа, направленный на сопоставление особенностей текущего состояния и факторов формирования экстремистских идей. **Гипотеза.** Для личности, имеющей риск быть подверженной воздействию экстремистских идей, характерны: повышенная личностная тревожность, уровень развития идентичности средний и ниже среднего, допустимость использования агрессии для достижения целей, восприятие внешнего мира как угрожающего, неадаптивные способы выражения недовольства и конформизм. **Методы и материалы.** В исследовании приняли участие 35 представителей молодежи Северо-Кавказского региона (16 девушек и 19 парней). Для мониторинга актуального социально-психологического состояния применялись следующие инструменты: социально-демографическая анкета, методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма Д.Г. Давыдова, К.Д. Хломова, методика изучения социальной идентичности (МИСИ), шкала самооценки тревоги Шихана, SPRAS. **Результаты.** Гипотеза частично подтвердилась: риск подверженности влиянию экстремистских идей выше для тех, чей уровень идентичности ниже оптимального, использование агрессии для достижения целей и неадаптивных способов для выражения недовольства допустимы, а внешний мир представляется угрожающим. **Выводы.** Данные, полученные нами, могут положить начало разработке программ более результативных и

Полушина М.Д. (2025)
Социально-психологические предикторы формирования
склонности к экстремистским установкам у молодежи
Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4),
52—68.

Polushina M.D. (2025)
Socio-psychological predictors of the formation of
extremist attitudes among young people
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4),
52—68.

углубленных исследований по теме и требуют дальнейшего изучения на
большей по численности выборке.

Ключевые слова: экстремизм, радикализация личности, экстремистские
установки, молодежь, социально-психологическое состояние, социальная
идентичность

Для цитирования: Полушина, М.Д. (2025). Социально-психологические предикторы
формирования склонности к экстремистским установкам у молодежи. *Экстремальная
психология и безопасность личности*, 2(4), 52—68. <https://doi.org/10.17759/epps.2025020404>

Socio-psychological predictors of the formation of extremist attitudes among young people

M.D. Polushina¹✉

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ m.bezmedvedya@mail.ru

Abstract

Context and relevance. The personality of an extremist is shaped by cultural and historical factors. The current understanding of these concepts reflects past circumstances that have evolved, the present situation, and individual characteristics. This study is based on the theory of interinstitutional conditioning of individual extremist activities. **Objective:** to monitor the current socio-psychological state of young people in the North Caucasus, in order to compare the current state and the factors that contribute to the formation of extremist ideas. **Hypothesis.** Individuals who are at risk of being influenced by extremist ideas are characterized by increased personal anxiety, an average or below-average level of identity development, the acceptance of using aggression to achieve goals, a perception of the outside world as threatening, and non-adaptive ways of expressing discontent and conformity. **Methods and materials.** The study involved 35 young people from the North Caucasus region (16 girls and 19 boys). The following tools were used to monitor the current socio-psychological state: a socio-demographic questionnaire, the D.G. Davydov and K.D. Khlomov method for diagnosing violent extremism dispositions, the method for studying social identity (MSSI), the Shiyan self-assessment anxiety scale, and the SPRAS. **Results.** The hypothesis was partially confirmed: the risk of being influenced by extremist ideas is higher for those whose level of identity is below optimal, and the use of aggression to achieve goals and non-adaptive ways to express discontent is acceptable, while the external world is perceived as threatening. **Conclusions.** The data we have obtained can serve as a starting point for developing more effective and in-depth research programs on this topic and require further study on a larger sample size.

Keywords: extremism, personality radicalization, extremist attitudes, youth, socio-psychological state, social identity

For citation: Polushina, M.D. (2025). Socio-psychological predictors of the formation of extremist attitudes among young people. *Extreme Psychology and Personal Safety*, 2(4), 52—68. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/epps.2025020404>

Введение

Актуальность исследования радикализации в целом и экстремизма в частности нельзя переоценить. Будучи ответом на преобразования окружающего мира, экстремизм представляет собой динамично изменяющееся явление социальной среды.

Личность культурно-исторически определена, текущее наполнение понятий, как на индивидуальном, так и на метауровне, отражает прежние, уже изменившиеся обстоятельства, и при исследовании современного статуса проблемы нам стоит учитывать и глобальные процессы, происходящие на макросоциальном уровне. Вот уже несколько десятилетий мир движется по пути глобализации; подобные изменения отражаются в нравственном пласте жизни социума, заставляя пересмотреть содержание моральных ориентиров, одними из которых являются «насилие» и «ненасилие». Переоценка наполнения ценностных конструктов, происходящая в обществе под гнетом изменений, слишком быстрая и хаотичная, при переходе от умеренности к крайностям может привести к формированию экстремистских установок. В последнее время, когда вопросы сохранения суверенитета, национальной безопасности и культурной самобытности обретают остроту, все чаще в общественном сознании возникает семантическая связь «экстремизм — патриотизм» (Муращенкова, 2024), что является дурным предвестником наращивания потенциала насилия как «защиты традиционных ценностей».

В отечественной психологии можно выделить три основных подхода к изучению молодежного экстремизма. Первый рассматривает экстремизм как следствие объективных социальных условий общества на фоне затянувшегося периода реформирования, рискогенности и неопределенности (В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, Ж.Т. Тощенко и др.); второй — через призму субъективных социально-психологических особенностей, состояний и поведения молодежи (Е.П. Олифиренко, А.В. Кузьмин, А.А. Козлов и др.); приверженцы третьего подхода приходят к проблеме межинституциональной обусловленности индивидуальной экстремальной деятельности (Е.О. Кубякин, В.В. Плотников, Ю.М. Антонян и др.) (по Рудь, Плотников, 2015).

Придерживаясь третьего подхода, мы понимаем экстремизм как социальное явление, возможное лишь в обществе с определенным уровнем развития социальных, как меж-, так и внутригосударственных, отношений (политических, экономических, правовых и т. д.), представленное экстремистской деятельностью группы, не сводящееся к личностным детерминантам делинквентности и экстремальности.

Для отдельно взятой личности принадлежность к экстремистскому сообществу выполняет очень важную функцию — формирование собственной социальной идентичности. Недаром именно молодежь является наиболее уязвимой к радикализации группой. Основная специфическая черта молодежи заключается в занимаемой промежуточной позиции между детством и взрослостью: молодой человек уже не ребенок, но еще не является полноценным носителем «взрослых» ролей (Курышева, 2014). Молодость как определенный возрастной этап связана с несколькими кризисами, основополагающим из которых является кризис

идентичности. Данный период характеризуется особым ощущением себя и мира, разнонаправленной активностью и противоречивыми чувствами: молодые люди ступают на путь определения себя и своего места в жизни, пробуют свои силы в разных областях, совмещают огромное количество социальных ролей и сопутствующих им действий, сталкиваются с трудностями и стрессами, конфликтами как внутри-, так и межличностными. Личность длительное время находится в состоянии высокого внутреннего напряжения, присущего этим переживаниям, что формирует неуверенность в себе, состояние личной несвободы, страх открытости миру, дискомфорт от жизни в неструктурированной, непредсказуемой реальности. Оказавшись в ситуации кризиса социальной самоидентификации, человек, зачастую неосознанно, старается это компенсировать, что может привести к вступлению в субкультурную группу, в которой социализация, чей вектор направлен от общества, продолжается, но рассогласуется с процессом индивидуализации (Сущенко, Жидяева, Самыгин, 2017). В соответствии с этим, экстремистская идеология выполняет ряд функций:

- идентификация (радикализация выступает как ресоциализация (Хорган, 2025). Неуверенность в себе побуждает индивида искать группу, в которой он становится более решительным, — это, как правило, группы с ярко выраженной идентичностью, наличием символики и атрибутики, дающие четкие указания о том, что и когда делать, ассоциирующиеся с характерными, однозначными, четко определенными и тесно связанными прототипами. Включенность в такую группу позволяет человеку приобрести социальную роль носителя идеи и обрести в этом смысл);

- удовлетворение потребности в когнитивной завершенности (идеология, будучи набором упорядоченных утверждений, весьма привлекательна для личности, характеризующейся закрытостью мышления, стремящейся избежать двусмысленности) (Хухлаев, Павлова, 2021);

- обеспечение аффилиации (человеку недостаточно просто сформировать статус, необходимо, чтобы его подтверждала и поддерживала группа, принимали окружающие; необходима реализация потребности в востребованности);

- снижение напряжения (идеология, в которой на все найдется ответ, присутствуют иерархия и шаблоны, как думать и что делать, — снимает ответственность и напряжение).

Неустойчивая часть молодежи одновременно продолжает борьбу за интеграцию собственной личности и стремится к обретению безопасности на основе иерархии и тесной включенности в группу, достигая таким образом определенности и ясности в кажущемся ей враждебным социальном мире. В случае радикальной идеологии ее конструкты не поддаются корректировке, любое противоречие с социальной средой воспринимается не как ресурс для развития, а как дефект самой среды.

Опасность экстремизма как социально-психологического явления выражается в дезорганизации общественного порядка, угрозе жизненно важным интересам гражданина и общества, охраняемым законом ценностям. Северный Кавказ уникален своей способностью сочетать традиционность и новшества, и вряд ли формирование и распространение экстремистских идей можно объяснить социальной аномией. Являясь полиэтническим регионом, — плотность компактного расселения этносов здесь одна из самых высоких в мире, — Северный Кавказ обладает объемным и колоритным набором традиций, устоев и

норм, отличающихся в каждом его уголке. Этот набор сформирован в ходе долгого исторического развития, включающего в себя и конфликты с другими этносами (Павлова, 2013). На долю Северного Кавказа выпало немало испытаний, в частности в конце XX — начале XXI века: Кавказский кризис и следующая за ним Чеченская война, конфликты в Адыгее, Ингушетии, вторая Чеченская кампания, до сих пор сохраняющийся территориальный спор между Ингушетией, Чечней и Северной Осетией, террористические акты, недавние волнения в Дагестане и другие события. Подобное не могло не оставить след в народном сознании.

Проблема: совокупность особенностей этнопсихологического аспекта и событий социального контекста последних десятилетий ставит вопрос о перспективе увеличения радикальных настроений и характере формирования экстремистских установок молодежи в СКР.

Актуальность мониторинга текущего социально-психологического состояния молодежи данного региона на предмет факторов повышения риска радикализации заключается в динамичном изменении социальной обстановки, что влечет за собой столь же динамичный ответ со стороны негативных социальных явлений.

Гипотеза исследования: для личности, имеющий риск быть подверженной воздействию экстремистских идей, характерны: повышенная личностная тревожность, уровень развития идентичности средний и ниже среднего, допустимость использования агрессии для достижения целей, восприятие внешнего мира как угрожающего, неадаптивные способы выражения недовольства и конформизм.

Наше внимание направлено на выделенные конструкты, поскольку:

- *тревожность* является маркером внутреннего напряжения, которое может исходить от потребности в когнитивной завершенности, потери личностной значимости, поиска определенности или от иного внутриличностного конфликта, которое имеет возможность реализации посредством вступления в группу, имеющую определенные нормативы поведения и мышления;

- *недостигнутая идентичность (средняя и ниже среднего)* побуждает индивида к поиску возможностей для ее достижения, а радикальные группы позволяют сделать это с меньшими усилиями;

- *допустимость использования агрессии для достижения целей* может говорить не только о личной готовности совершить насилие, но и о состоянии фрустрации, что, в свою очередь, может послужить смещению агрессии с непосредственного источника (например, неудачи в семье, учебе, карьере) на другие объекты (мигрантов, бездомных и т. д.);

- *восприятие внешнего мира как угрожающего* проявляется в непринятии инакомыслия, ожидании подвоха, стремлении объяснить поступки других людей низменными мотивами и снижением за счет этого ценности жизни другого человека, что является плодородной почвой для гонения групп «иных»;

- *неадаптивные способы выражения недовольства* служат внешним проявлением выключенности индивида из общества и приверженности деструктивным моделям поведения;

- *конформизм* выступает как подверженность давлению группы, слабость внутренних регуляторов поведения.

Совокупность этих факторов может говорить об уязвимости индивида перед риском радикализации.

Цель исследования: провести мониторинг актуального социально-психологического состояния молодежи Северного Кавказа, направленный на сопоставление особенностей текущего состояния и факторов формирования экстремистских идей.

Материалы и методы

Исследование проводилось на базе Северо-Кавказского региона. Выборка исследования состояла из 35 человек: 16 девушек и 19 парней, средний возраст 20,3 года. Данные собирались дистанционным способом, через Google-формы.

Для начала участникам было предложено заполнить социально-демографическую анкету, которая включала следующие вопросы: «Ваш пол», «Ваш возраст», «Регион Вашего преимущественного проживания», «Семейный статус» («свободен», «в отношениях»), «Ваша занятость» («учусь», «работаю», «учусь и работаю», «не учусь и не работаю»), «В какой сфере преимущественно осуществляется Ваша деятельность» («Человек — человек», «Человек — природа», «Человек — художественный образ», «Человек — техника», «Человек — знак»).

Для верификации гипотезы исследования нами были использованы следующие методики:

1. Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма (Д.Г. Давыдов, К.Д. Хломов);

Данный опросник содержит в себе 11 шкал, отражающих диспозиции радикального поведения, и позволяет определить тенденцию и группу риска по склонности к экстремизму. В качестве утверждений выступают суждения о различных аспектах отношения к окружающим людям и социальным явлениям.

2. Методика изучения социальной идентичности (МИСИ);

В данной методике содержится 60 качеств, которые испытуемый может соотнести со своей жизнью. На основе соотношения социальных и асоциальных качеств определяется уровень развития социальной идентичности.

3. Шкала самооценки тревоги Шихана, SPRAS.

Данный опросник используется в диагностике тревожных расстройств — в частности, с целью определения уровня клинически значимой тревоги. Методика была выбрана из-за малого времени, требуемого на прохождение опроса, и преимущества косвенных вопросов над прямыми.

Для обработки результатов были применены частотный анализ и непараметрический корреляционный анализ. Обработка результатов эмпирического исследования осуществлялась посредством программ IBM SPSS Statistics 27 и Microsoft Excel.

Результаты

В результате частотного анализа по признаку тревожности получены следующие результаты: тревожность не выражена у 10 человек (28,5%), повышенный уровень тревожности — у 9 человек (25,7%), значительный уровень тревожности выявлен у 15 человек (42,8%), а признаки тревожного расстройства — у 1 человека (2,9%). В ходе

дальнейшего корреляционного анализа не выявлено значимых связей между тревожностью и шкалами методики Д.Г. Давыдова и К.Д. Хломова, так же как и не выявлены значимые связи между тревожностью и уровнем развития социальной идентичности.

В результате частотного анализа по признаку уровня развития идентичности низкий уровень обнаружен у 4 человек (11,4%), средний — у 8 человек (22,8%), оптимальный — у 14 (40%), а завышенный — у 9 (25,7%).

Согласно методике диспозиций насильственного экстремизма Д.Г. Давыдова и К.Д. Хломова, для того, чтобы попасть в группу риска по показателю, необходимо получить по нему 23 и более балла.

Таблица 1/ Table 1

Выявленные группы риска по методике Д.Г. Давыдова и К.Д. Хломова
Identified risk groups according to the method of D.G. Davydov and K.D. Khlomov

№ п/п	Диспозиция/Disposition	% входящих в группу риска по диспозиции от общего числа участников / % of those at risk from the total number of participants
1	Кульť силы / The Cult of Power	14,2
2	Интолерантность/Intolerance	14,2
3	Конвенциональное принуждение / Conventional coercion	17,1
4	Деструктивность и цинизм / Destructiveness and cynicism	5,7
5	Антиинтрацепция / Anti-contraception	5,7
6	Конформизм/Conformity	8,5

Как видно из табл. 1, наиболее «заселенным» параметром является «Конвенциональное принуждение». По показателям «Допустимость агрессии», «Социальный пессимизм», «Мистичность», «Протестная активность», «Нормативный нигилизм» в группу риска не вошел ни один участник исследования.

Помимо группы риска также можно выделить тенденцию — показатели выше среднего по выборке (табл. 2).

Таблица 2/ Table 2

Статистические показатели по методике Д.Г. Давыдова и К.Д. Хломова
Statistical indicators according to the methodology of D.G. Davydov and K.D. Khlomov

№ п/п	Диспозиция/Disposition	Ср. знач. / The average value	Станд. откл. / Standard deviation
1	Кульť силы / The Cult of Power	14,63	5,805
2	Допустимость агрессии / The permissibility of aggression	15,56	3,320
3	Интолерантность/Intolerance	13,04	5,065
4	Конвенциональное принуждение /	18,63	3,845

	Conventional coercion		
5	Социальный пессимизм / Social pessimism	16,59	2,531
6	Мистичность / Mystique	14,93	3,496
7	Деструктивность и цинизм / Destructiveness and cynicism	17,04	3,216
8	Протестная активность / Protest activity	15,15	3,097
9	Нормативный нигилизм / Normative nihilism	13,81	2,632
10	Антиинтрацепция/Anti-contraception	16,44	3,178
11	Конформизм/Conformity	16,26	3,957

Как видно из табл. 3, большее количество людей попадает в тенденцию к группе риска по показателям «Конвенциональное принуждение», «Социальный пессимизм» и «Антиинтрацепция».

Рассмотрим, что под собой подразумевают диспозиции, выделяемые в используемой методике.

«*Культ силы*» выражает приверженность насилию как способу разрешения противоречий, мышлению категориями «сильный-слабый», «господство-подчинение», олицетворяет связь «насилие-статус» и идентификацию себя с образами, воплощающими силу.

«*Допустимость агрессии*» включает в себя не только осуществление насилия, но и личную готовность совершить его. Естественным следствием фрустрации является агрессия. Если непосредственно проявить агрессию в направлении фрустрирующих объектов человек не может из-за ожидаемых негативных последствий, то агрессивные импульсы сдерживаются, что может приводить к дополнительной фрустрации. Сдержанная агрессия обычно «смещается», направляется не против непосредственного источника фрустрации, а на какой-либо другой объект, например мигрантов, бездомных и т. д.

«*Интолерантность*». Эта диспозиция включает в себя нетерпимость к «иному», стремление навязать окружающим свои взгляды любой ценой, потребность избежать когнитивного диссонанса и возможность снять ответственность за оценку других и выбор своего отношения к неоднозначным социальным ситуациям.

«*Конвенциональное принуждение*». Диспозиция выражается в приоритете ценности восстановления справедливости над другими гуманистическими ценностями, причем осуществление этой цели предполагается путем повышения жесткости требований к себе и другим; необходимости «знать своего врага», неспособности к многоконтекстуальному восприятию ситуаций социальной действительности.

«*Социальный пессимизм*» описывает предрасположенность воспринимать мир как мрачный, непредсказуемый и опасный, перекладывать на него свои внутренние неосознанные импульсы, придавать событиям будущего негативную окраску.

В основе шкалы «*Мистичность*» лежит бессознательный уход от ответственности, основанный на страхе перед реальностью. Выражается в стремлении объяснить

происходящее мистическими знаками и сакральными символами — простыми, но эмоционально яркими схемами.

«Деструктивность и цинизм» говорят о подозрительности при интерпретации поведения других, зачастую состоящей в объяснении поведения окружающих далекими от возвышенных потребностями. Диспозиция проявляется в снижении ценности жизни как собственной, так и других людей. Своя жизнь и жизнь окружающих легко могут быть принесены в жертву «идее».

«Протестная активность» представляет склонность к неадаптивной активности, поисковому поведению и поиску ощущений, которые не способны обеспечить традиционные социальные институты.

Для «Нормативного нигилизма» характерно демонстративное игнорирование норм и законов, в сочетании с презрением к тем, кто соблюдает установленные нормативы. В основе данной диспозиции лежит нерешенная потребность в персонализации.

В основе «Антиинтрацепции» лежит избегание собственной свободы, отрицание глубоких чувственных переживаний в угоду боязни неопределенности и угроз своему Я. Выражается в пренебрежительном отношении к фантазии, эмоциональности, гуманитарным наукам, искусству и возвышении физической реальности, простых идей и конкретных действий.

«Конформизм» же отражает подверженность давлению группы сверстников, слабость внутренних регуляторов поведения, готовность совершить правонарушение «за компанию». Основой диспозиции является потребность в принадлежности к «своей» социальной группе, «групповой сплоченности».

Таблица 3/ Table 3

Выявленные тенденции по методике Д.Г. Давыдова и К.Д. Хломова
Identified trends according to the methodology of D.G. Davydov and K.D. Khlomov

№ п/п	Диспозиция/Disposition	Кол-во человек / N	%
1	Культ силы / The Cult of Power	11	40,7
2	Допустимость агрессии / The permissibility of aggression	13	48,1
3	Интолерантность / Intolerance	12	44,4
4	Конвенциональное принуждение / Conventional coercion	15	55,5
5	Социальный пессимизм / Social pessimism	15	55,5
6	Мистичность/Mystique	10	37
7	Деструктивность и цинизм / Destructiveness and cynicism	12	44,4
8	Протестная активность / Protest activity	12	44,4
9	Нормативный нигилизм / Normative nihilism	10	37

Полушина М.Д. (2025)
 Социально-психологические предикторы формирования
 склонности к экстремистским установкам у молодежи
Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4),
 52—68.

Polushina M.D. (2025)
 Socio-psychological predictors of the formation of
 extremist attitudes among young people
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4),
 52—68.

10	Антиинтрацепция/Anti-contraception	15	55,5
11	Конформизм/Conformity	11	40,7

По большинству параметров тенденция к группе риска преобладает у представителей мужского пола. Исключение составляет показатель «Мистичность».

Таблица 4/ Table 4

Корреляционные связи для диспозиций насильственного экстремизма
Correlations for violent extremism dispositions

№ п/п	Корреляционная диада / Correlation dyad	Коэффициент корреляции Спирмена / Spearman Correlation Coefficient	Двухсторонний коэффициент значимости р / Two- way significance coefficient p
1	Пол — допустимость агрессии / Gender — tolerance of aggression	0,559	0,002
2	Пол — мистичность / Gender — mystique	-0,421	0,029
3	Пол — конформизм / Gender — conformity	0,682	0,034
4	Сфера деятельности: «Человек — человек» — конформизм / Scope of activity: “Man — Man” — conformity	0,450	0,019
5	Сфера деятельности: «Человек — природа» — культ силы / Scope of activity: “Man — Nature” — a cult of power	0,468	0,014
6	Сфера деятельности: «Человек — символ» — мистичность / Scope of activity: “Man — Symbol” — mysticism	0,565	0,002
7	Сфера деятельности: «Человек — художественный образ» — деструктивность и цинизм / Scope of activity: “Man — artistic image” — destructiveness and cynicism	0,391	0,044
8	Сфера деятельности: «Человек — техника» — протестная активность / Scope of activity: “Man — Technology” — protest activity	-0,483	0,011
9	Уровень развития социальной идентичности: низкий — протестная активность / Level of social identity	0,411	0,033

	development: low — protest activity		
10	Уровень развития социальной идентичности: средний — социальный пессимизм / Level of social identity development: average — social pessimism	0,421	0,029
11	Уровень развития социальной идентичности: средний — деструктивность и цинизм / Level of social identity development: average — destructive and cynical	0,448	0,019
12	Уровень развития социальной идентичности: оптимальный — конвенциональное принуждение / Level of social identity development: optimal — conventional coercion	-0,456	0,017
13	Уровень развития социальной идентичности: оптимальный — антиинтрацепция / Level of development of social identity: optimal — anti-intracception	-0,549	0,003
14	Уровень развития социальной идентичности: завышенный — конвенциональное принуждение / Level of development of social identity: high — conventional coercion	0,517	0,006

Согласно данным из табл. 4, присутствует заметная корреляционная связь между демографическим показателем «пол» и диспозициями «Допустимость агрессии» (преобладает у юношей), «Мистичность» (преобладает у девушек) и «Конформизм» (преобладает у юношей).

Помимо этого, обнаруживается значимая корреляционная связь между некоторыми шкалами: «Допустимость агрессии» связана с «Интолерантностью» (коэффициент корреляции = 0,835; $p = 0,001$), «Социальным пессимизмом» (коэффициент корреляции = 0,643; $p = 0,001$), «Протестной активностью» (коэффициент корреляции = 0,742; $p = 0,001$) и «Нормативным нигилизмом» (коэффициент корреляции = 0,684; $p = 0,001$); «Мистичность» связана с «Культом силы» (коэффициент корреляции = 0,677; $p = 0,001$).

Приведенные уровни социальной идентичности подразумевают под собой:

- *низкий* — у индивида отсутствует внутренняя убежденность в своем выборе, он совершается скорее окружением, чем самим человеком; выбор целей и ценностей осуществляется формально;

- *средний* — человек находится в состоянии кризиса идентичности и активно пытается разрешить его, пробуя различные варианты; характерны высокая тревога, рефлексия и наличие культурных интересов;

- *оптимальный* — сформированная идентичность, характерен набор из личностно значимых целей, ценностей и убеждений, чувства направленности и осмысленности жизни, позитивного самоотношения, способности к стабильной связи с социумом, координации механизмов идентификации и обособления;

- *завышенный* — гиперидентичность, фиксация на сверхценной идее.

Обсуждение результатов

Полученные результаты позволяют частично подтвердить выдвинутую гипотезу:

- не выявлено значимых корреляций между уровнем тревожности и предрасположенностью к насильственному экстремизму;

- для молодых людей с оптимальным уровнем развития идентичности риск подверженности экстремистским идеям минимален; аналогично этому, он невысок и у тех, кто обладает псевдоидентичностью. Однако для представителей со средним уровнем идентичности данный риск возрастает. К сожалению, в рамках данной выборки невозможно оценить влияние низкого уровня развития идентичности из-за ограниченного числа его носителей;

- с высокой вероятностью можно утверждать, что более высокие показатели по шкале «Допустимость агрессии» коррелируют с увеличением значений по шкалам, отражающим неадаптивные способы взаимодействия с социальной реальностью и восприятие внешнего мира как угрожающего, таким как «Интолерантность», «Социальный пессимизм», «Протестная активность» и «Нормативный нигилизм». Также вероятно, что изменения по шкале «Мистичность» будут пропорциональны изменениям по шкале «Культь силы»;

- риск подвергнуться влиянию экстремистских идей выше у юношей, чем у девушек, и сопровождается тенденциями к допустимости агрессии и конформизму.

Полученные данные соотносятся с исследованиями других авторов, в которых отмечается ключевая роль неприятия неопределенности в связке с допустимостью и готовностью применения агрессии для разрешения затруднений (Беликова и др., 2022). В работе С.В. Пазухиной и соавторов (Пазухина и др., 2017) интолерантность в совокупности с пессимистичным взглядом на будущее и скептическим отношением к правилам и нормам выделяется как фактор риска радикализации молодежи, что подтверждается и в нашем исследовании. Но, в отличие от других исследователей (Мильчарек, 2019), нам не удалось установить корреляцию между уровнем тревожности и склонностью к принятию экстремистских установок.

В ходе исследования также была выявлена интересная связь между сферой деятельности и диспозициями, которая может говорить о том, какие проявления экстремистского поведения характерны для молодежи, предпочитающей ту или иную направленность деятельности.

Можно предположить, что связь, обнаруженная между конформизмом и предпочтением деятельности в сфере «Человек — человек», отражает последствия перехода от умеренных потребности в общении с другими людьми, стремления находить общий язык и умения

подстраиваться под собеседника к крайним формам: преимущество групповой идентичности над индивидуальной, совершение действий под воздействием «своей» группы.

То же наблюдается и в связке «Человек — знак» — «Мистичность». Человеку, взаимодействующему со знаками, важно уметь абстрагироваться от реальных, физических качеств объекта, но в то же время держать в голове, что за символами стоит определенное явление или предмет. «Мистичность» же подразумевает веру в некие символы, за которыми могут стоять различные объекты, изменяемые в зависимости от желаемой трактовки.

Деятельность в сфере «Человек — природа» предполагает не только наблюдение и описание природных объектов, но и уход за ними, прогнозирование их изменений, проведение манипуляций, направленных на их преобразование. Все это так или иначе подразумевает контроль. «Культ силы» также связан с контролем, но не тем, что достигается через рассудительность и планирование, а тем, что реализуется силой и образами, воплощающими силу.

Отрицательная связь между сферой «Человек — художественный образ» и «Культом силы» может говорить о том, что творческое мышление и воображение мало сопоставимо с контролем, особенно контролем силой. Также отрицательная связь обнаруживается между сферой «Человек — техника» и диспозицией «Протестная активность» и может свидетельствовать о том, деятельность, связанная с техникой, подразумевает приверженность четким алгоритмам, в то время как «Протестная активность» подразумевает риск, бессистемность и беспорядочность.

Заключение

В рамках нашего исследования проведен мониторинг молодежи Северного Кавказа, в ходе которого мы смогли соотнести встречающиеся в теоретических трудах факторы формирования экстремистских идей и особенности текущего социально-психологического состояния. По итогу нам удалось найти подтверждение нашей гипотезы в том, что риск подверженности влиянию экстремистских идей выше для тех, чей уровень идентичности ниже оптимального (корреляционная диада «Низкий уровень — протестная активность», $r = 0,411$, $p \leq 0,05$; корреляционная диада «Средний уровень — социальный пессимизм», $r = 0,421$, $p \leq 0,05$; корреляционная диада «Средний уровень — деструктивность и цинизм», $r = 0,448$, $p \leq 0,05$), для кого использование агрессии для достижения целей и неадаптивных способов для выражения недовольства допустимы, а внешний мир представляется угрожающим. Не удалось подтвердить влияние уровня тревожности на предрасположенность к насильственному экстремизму.

Ограничения. Подобные исследования должны проводиться на более широких выборках. Дистанционный способ сбора данных сказывается на мотивации прохождения исследования, возможности создания доверительной обстановки.

Limitations. Such studies should be conducted on larger samples. The remote method of data collection affects the motivation to participate in the study and the ability to create a trusting environment.

Перспективы исследования. Данные, полученные нами, могут положить начало разработке программ более результативных и углубленных исследований по теме и требуют

дальнейшего изучения на большей по численности выборке, а перспективу подобного исследования составляют включение в анализ большего количества влияющих переменных и построение психодиагностического инструментария с преимуществом косвенных вопросов и ассоциаций.

Research prospects. The data we obtained can serve as the basis for developing more effective and in-depth research programs on this topic and require further investigation with a larger sample. The prospects for such research include incorporating more influencing variables into the analysis and constructing a psychodiagnostic tool that utilizes indirect questions and associations for greater effectiveness.

Список источников / References

1. Баева, Л.В. (2012). Антиглобализм и проблема фальсификации данных. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 4, 326—333.
 Baeva, L.V. (2012). Antiglobalism and the Problem of Data Falsification. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 4, 326—333. (In Russ.).
2. Беликова, Е.В., Ефремов, Е.Г., Ефремова, Н.А., Кубарев, В.С., Мильчарек, Н.А., Мильчарек, Т.П., Сенькова, В.И., Френкель, М.В., Цветкова, О.А. (2022). Выраженность черт личности экстремистской направленности у старшеклассников. *Психолог*, 1, 53—71.
<https://doi.org/10.25136/2409-8701.2022.1.36823>
 Belikova, E.V., Efremov, E.G., Efremova, N.A., Kubarev, V.S., Milcharek, N.A., Milcharek, T.P., Senkova, V.I., Frenkel, M.V., Tsvetkova, O.A. (2022). The Expression of Personality Traits of an Extremist Orientation in High School Students. *Psychologist*, 1, 53—71. (In Russ.)
<https://doi.org/10.25136/2409-8701.2022.1.36823>
3. Бовина, И.Б., Бовин, Б.Г., Тихонова, А.Д. (2020). Радикализация: социально-психологический взгляд (Часть I). *Психология и право*, 10(3), 120—142.
<https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100309>
 Bovina, I.B., Bovin, B.G., Tikhonova, A.D. (2020). Radicalization: A Social Psychological Perspective (Part I). *Psychology and Law*, 10(3), 120—142. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100309>
4. Давыдов, Д.Г., Хломов, К.Д. (2017). Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма. *Психологическая диагностика*, 1(14).
 Davydov, D.G., Khlomov, K.D. (2017). Methodology for Diagnosing Dispositions of Violent Extremism. *Psychological Diagnostics*, 1(14). (In Russ.).
5. Злоказов, К.В. (2014). Деструктивность и идентичность личности. *Антиномии*, 14(1), 61—73.
 Zlokazov, K.V. (2014). Destructiveness and Personality Identity. *Antinomies*, 14(1), 61—73. (In Russ.).
6. Кубякин, Е.О. (2011). Социализация российской молодежи в условиях глобализации информационного пространства. *Власть*, 3, 59—63.
 Kubyakin, E.O. (2011). Socialization of Russian Youth in the Context of Globalization of the Information Space. *Vlast*, 3, 59—63. (In Russ.).
7. Курышева, О.В. (2014). Психологическая характеристика молодежи как возрастной группы. *Logos et Praxis*, 1, 67—75.

Полушина М.Д. (2025)
Социально-психологические предикторы формирования
склонности к экстремистским установкам у молодежи
Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4),
52—68.

Polushina M.D. (2025)
Socio-psychological predictors of the formation of
extremist attitudes among young people
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4),
52—68.

- Kuryshcheva, O.V. (2014). Psychological Characteristics of Youth as an Age Group. *Logos et Praxis*, 1, 67—75. (In Russ.).
8. Мещерякова, Э.И., Ларионова, А.В., Карелин, Д.В., Козлова, Н.В. (2018). Экстремистская направленность личности в юридическом и психологическом знании. *Психология и право*, 8(3), 123—134. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080309>
Meshcheryakova, E.I., Larionova, A.V., Karelin, D.V., Kozlova, N.V. (2018). Extremist Orientation of Personality in Legal and Psychological Knowledge. *Psychology and Law*, 8(3), 123—134. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080309>.
9. Мильчарек, Т.П., Мильчарек, Н.А. (2019). Психодиагностический опросник «Комплекс воина» в системе выявления психологического комплекса экстремиста. *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*, 4, 35—42.
Milcharek T. P., Milcharek N. A. (2019). Psychodiagnostic Questionnaire “Warrior Complex” in the System of Identifying the Psychological Complex of an Extremist. *Bulletin of Omsk University. Series “Psychology”*, 4, 35—42. (In Russ.).
10. Муращенкова, Н.В. (2012). Структура социальных представлений молодежи об экстремизме и патриотизме. *Современные исследования социальных проблем*, 12.
Murashchenkova, N.V. (2012). The Structure of Social Representations of Youth on Extremism and Patriotism. *Modern research on social issues*, 12. (In Russ.).
11. Муращенкова, Н.В. (2024). Психологическое состояние российской студенческой молодежи в условиях кризиса: связь с культурным и политическим патриотизмом. *Психологическая наука и образование*, 29(4), 63—73. <https://doi.org/10.17759/pse.2024290405>
Murashchenkova, N.V. (2024). Psychological state of Russian student youth in the crisis: The Relationship with cultural and political patriotism. *Psychological Science and Education*, 29(4), 63—73. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2024290405>
12. Павлова, О.С. (2013). *Чеченский этнос сегодня: черты социально-психологического портрета*. М.: ООО «Сам Полиграфист».
Pavlova, O.S. (2013). *The Chechen Ethnos Today: Features of a Socio-Psychological Portrait*. Moscow: OOO Sam Poligrafist. (In Russ.)
13. Пазухина, С.В., Романова, Е.В., Туревская, Е.И., Хвалина, Н.А. (2017). Коммуникативная толерантность как личностный ресурс в системе профилактики экстремизма в молодежной среде. *Психология и психотехника*, 1, 103—116. <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2017.1.23211>
Pazukhina, S.V., Romanova, E.V., Turevskaya, E.I., Khvalina, N.A. (2017). Communicative Tolerance as a Personal Resource in the System of Extremism Prevention among Young People. *Psychology and Psychotechnics*, 1, 103—116. (In Russ.). <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2017.1.23211>
14. Психология террориста: Почему люди начинают убивать ради идеи / Джон Хорган ; Пер. с англ. Москва : Альпина Паблишер, 2025.
The Psychology of a Terrorist: Why People Start Killing for an Idea / John Horgan ; Translated from English. Moscow: Alpina Publisher, 2025. (In Russ.)
15. Рудь, М.Ю., Плотников, В.В. (2015). Современные подходы к исследованию экстремизма как социального явления. *Общество и право*, 2, 318—322.

Полушина М.Д. (2025)
Социально-психологические предикторы формирования
склонности к экстремистским установкам у молодежи
Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4),
52—68.

Polushina M.D. (2025)
Socio-psychological predictors of the formation of
extremist attitudes among young people
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4),
52—68.

- Rud, M.Yu., Plotnikov, V.V. (2015). Modern approaches to the study of extremism as a social phenomenon. *Society and Law*, 2, 318—322. (In Russ.).
16. Сущенко, С.А., Жидяева, Е.С., Самыгин, С.И. (2017). Экстремизм в среде российской молодежи: социальные и психологические истоки возникновения. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 10, 71—74.
Sushchenko, S.A., Zhidyayeva, E.S., Samygin, S.I. (2017). Extremism among Russian Youth: Social and Psychological Origins. *Humanities, Social Sciences, and Economics*, 10, 71—74. (In Russ.).
17. Хухлаев, О.Е., Павлова, О.С. (2021). «Мне известно, что мне ничего не известно». Социально-когнитивные предпосылки поддержки радикальных взглядов. *Социальная психология и общество*, 12(3), 87—102. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120307>
Khukhlaev, O.E., Pavlova, O.S. (2021). “I Know that I don’t Know Anything.” Socio-Cognitive Antecedents of the Radicalization. *Social Psychology and Society*, 12(3), 87—102. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2021120307>
18. Экстремизм и его причины: монография / Ю.М. Антонян и др. ; под ред. Ю.М. Антоняна. М.: Логос, 2010.
Extremism and Its Causes: A Monograph / Yu.M. Antonyan et al.; edited by Yu.M. Antonyan. Moscow: Logos, 2010. (In Russ.).
19. Экстремизм как социальное явление: учебное пособие для обучающихся по направлению подготовки бакалавриата «Политология» / А.Ю. Ильин ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петрозаводский государственный университет». Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2020.
Extremism as a Social Phenomenon: A Textbook for Students of the Bachelor's Degree Program in Political Science / A.Yu. Ilyin; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Petrozavodsk State University. Petrozavodsk: PetrSU Publishing House, 2020. (In Russ.).

Информация об авторах

Мария Дмитриевна Полушина, студентка 5 курса, факультет «Экстремальная психология», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2954-4485>, e-mail: m.bezmedvedya@mail.ru

Information about the authors

Maria D. Polushina, Fifth-Year Student, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2954-4485>, e-mail: m.bezmedvedya@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Полушина М.Д. (2025)
Социально-психологические предикторы формирования
склонности к экстремистским установкам у молодежи
Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4),
52—68.

Polushina M.D. (2025)
Socio-psychological predictors of the formation of
extremist attitudes among young people
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4),
52—68.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено Этической комиссией Ученого Совета факультета «Экстремальная психология» Московского государственного психолого-педагогического университета (протокол № 1 от 28.08.2025).

Ethics statement

The study was reviewed and approved by the Ethics Committee of the Academic Council of the Department of Extreme Psychology of Moscow State University of Psychology and Education (report no. 1, 2025/08/28).

Поступила в редакцию 20.09.2025
Поступила после рецензирования 27.11.2025
Принята к публикации 07.12.2025
Опубликована 30.12.2025

Received 2025.09.20
Revised 2025.11.27
Accepted 2025.12.07
Published 2025.12.30